

Чжаокун нахмурился, глядя на юношу, и тот, испугавшись его сурового взгляда, нехотя выбрался из воды, вытерся и натянул длинные штаны. Его пальцы двигались неуклюже, и Чжаокун сам затянул пояс на его тонкой талии, обернув вокруг неё зелёную ткань, которая слегка приоткрывала пупок, а на груди и животе уже проглядывались намеки на мускулы, которые со временем станут более выраженными.

Чжаокун почувствовал, как горло пересохло, словно его опаляло неведомое пламя. Половину его чувств занимал гнев, а другую — растерянность. Он отпустил пояс, закатал штанины и подол длинной одежды, вошёл в ручей, очистив разум от посторонних мыслей, и сосредоточился на том, чтобы научить Шань Чжиюаня ловить рыбу.

Этот лисёнок, привыкший к вольной жизни, легко справлялся с ловлей рыбы в своей звериной форме, но теперь, впервые превратившись в человека, он оказался неуклюжим, пытаясь поймать рыбу двумя передними лапами. Уже через короткое время он был весь в поту от напряжения.

Чжаокун, скрестив руки на груди, спокойно произнёс:

— Если не поймаешь, сегодня останешься без ухи.

Шань Чжиюань заволновался ещё больше, но серебристая рыба становилась всё более неуловимой, выскальзывая из его рук. Внезапно он громко крикнул:

— Демон! Куда ты?!

Не дожидаясь, пока Чжаокун опомнится, он бросился в воду, подняв фонтаны брызг, которые обрызгали и ошеломлённого монаха.

Чжаокун, смеясь и ругаясь, поспешно вытащил маленького проказника из воды, которая доходила ему до колен, и отчитал его:

— Ты, лисёнок, осмелился назвать рыбу демоном? Смотри, как бы тебя самого не поймали, не сняли шкуру и не съели, оставив от тебя одни кости!

Шань Чжиюань крепко держал в руках серебристую рыбу, спокойно позволяя Чжаокуну нести его на руках, весь мокрый, но с улыбкой на лице:

— Я слишком вонючий, чтобы быть вкусным. Чжаокун, скорее вари рыбу!

Монах был ошарашен его словами и лишь через мгновение с горькой усмешкой произнёс:

— Ты — настоящая напасть.

Он действительно отнёс юношу на берег, снял с него мокрую одежду и повесил её на ветку, чтобы та высохла, а затем приготовил рыбу.

Чжаокун, как и всегда, использовал глиняный горшок для варки ухи. Раньше лисёнок мог забраться внутрь горшка, чтобылизать бульон, но теперь он не мог туда пролезть и, держа горшок в руках, нервно почесывал уши. Чжаокун холодно наблюдал за ним, насмехаясь:

— Даже став человеком, ты ничему не научился. Это просто расточительство. Если однажды...

Шань Чжиюань, привыкший к его насмешкам, не обращал на них внимания. Он повернулся, сел на колени Чжаокуна, обнял шею молодого монаха и лизнул его губы. Оставшиеся слова Чжаокуна застряли в горле, так и не вырвавшись наружу.

Лисёнок облизнул свои губы и радостно произнёс:

— Чжаокун, ты вкуснее, чем уха.

Чжаокун опустил взгляд на алые губы юноши, и в тот же миг всё вокруг — золотые статуи Будды, яркое солнце, журчание ручья, густые персиковые леса — растворилось в пустоте. Весь мир, вся суета мироздания исчезли, оставив лишь этого голого маленького демона, сидящего у него на коленях.

Юноша, не ведая о границах, кричал:

— Я хочу попробовать ещё! — и, приподнявшись, лизнул губы Чжаокуна, проводя языком по их краю, с ненасытностью впитывая сладость из уст монаха.

Чжаокун, не зная, о чём думать, сначала позволил ему вести себя так, но затем тихо вздохнул, обнял тонкую талию и спину юноши и склонился, чтобы поцеловать его в ответ.

Шань Чжиюань, увлечённый процессом, был удивлён, когда Чжаокун взял инициативу в свои руки. Их языки переплелись, и когда кончик языка монаха коснулся корня его языка, он почувствовал странное тепло, которое поднялось к макушке головы и опустилось в живот, заставляя его дрожать.

Он никогда не испытывал ничего подобного и, одновременно любопытствуя и пугаясь, стал подражать движениям Чжаокуна, наклоня голову и отвечая на поцелуй. В пылу страсти он случайно укусил Чжаокуна за язык.

Монах, почувствовав боль, засмеялся, проводя пальцами по спине юноши, и хрипло произнёс:

— Маленький лисёнок, ты так торопишься?

Шань Чжиюань лизнул каплю крови, появившуюся на языке Чжаокуна, и хотел похвалить его за вкус, но услышал, как голос монаха стал глубже и приобрёл невиданные прежде оттенки. Ему показалось, что Чжаокун, хоть и выглядел привлекательно, внушал некоторую тревогу. Он положил руки на грудь монаха и с беспокойством спросил:

— Чжаокун, ты что, поддался злым духам?

Чжаокун, с ещё более мрачным взглядом, ответил:

— Да, поддался. Спаси меня, Чжиюань.

Шань Чжиюань поспешно ответил:

— Конечно, я спасу тебя.

Тем временем помощник министра Чжоу Жунцюань продолжил говорить, но Чжаокун резко прервал его:

— Всё, что было вчера, умерло вчера. Старший господин Чжоу, зачем сейчас вспоминать старые дела? После восемнадцати лет поисков родственников вы пришли не для того, чтобы вспоминать прошлое. Скажите прямо, зачем вы здесь?

Чжоу Жунцюань опешил и замолчал, посмотрев на мастера Минцзюэ.

Минцзюэ произнёс молитву и сказал:

— Чжаокун, лис из Цинцю, птица, летящая на юг. Ты пришёл сюда, и теперь пришло время вернуться.

Шань Чжиюань только вернулся в горы, как услышал гневный крик старейшины, который чуть не заставил его споткнуться. Он хотел убежать в свою пещеру, но обнаружил, что все пути отступления были перекрыты старейшиной и его потомками. Лисёнок вильнул хвостом и с улыбкой сказал:

— Старейшина! Вы устали. Если хотите меня видеть, позовите кого-нибудь из младших. Зачем вам самим приходить сюда?

Старый лис с седой шерстью нахмурился и ударил рыжего лисёнка лапой по голове, крича:

— Не притворяйся! Скажи мне, ты опять пошёл играть с монахом на передние горы?

Шань Чжиюань невольно вспомнил, как он и Чжаокун занимались на берегу ручья чем-то неприличным, и его охватили одновременно стыд и радость. Он заёрзал, словно его тело горело, но, к счастью, его рыжая шерсть скрывала краску на лице.

Он снова заулыбался и ответил:

— Я просто ловил рыбу у ручья.

Не успел он закончить, как маленький серый лисёнок подскочил к нему и начал кричать:

— Рыба! Где рыба? Рыба, рыба, рыба!

Шань Чжиюань кашлянул и сказал:

— Сегодня не повезло... Я поймал только одну рыбу... и съел её сам.

Маленький серый лисёнок сел на землю и громко заплакал, заставив других лисиц броситься утешать его.

Шань Чжиюань поспешно добавил:

— В следующий раз, если поймаю, обязательно принесу тебе!

Но маленький лисёнок продолжал плакать, и Шань Чжиюань, обеспокоенный, начал крутиться на месте. Старейшина, видя, как он нервничает, наконец сказал:

— Хватит шума. Завтра придут гости из Долины Чёрного Ветра, и вы все должны хорошо их принять. Если кому-то удастся понравиться девушкам, жениться на одной из них будет просто замечательно.

Шань Чжиюань задумался, внешне соглашаясь, но в душе размышляя:

— Я уже в возрасте, чтобы жениться. Было бы здорово, если бы я смог жениться на этом монахе. Завтра я попробую узнать его мнение. Если это возможно, сколько приданого мне нужно будет подготовить?

После разговора со старейшиной он вернулся в свою пещеру, то хихикая, то хмурясь, то мечтая, и только под утро наконец заснул.

На следующий день старейшина внимательно следил за ним и привёл его на банкет, где принимали гостей из Долины Чёрного Ветра. Шань Чжиюань, стараясь сохранять улыбку, чувствовал себя неловко и с нетерпением ждал конца.

Этот банкет длился целых три дня, и, судя по всему, мог продолжаться ещё столько же. Шань Чжиюань изнывал от нетерпения и, наконец, уловив момент, сбежал. Не превращаясь в человека, он помчался на передние горы.

Добежав до персикового леса, рыжий лис вдруг остановился, принюхался и почувствовал сильный запах гари, дерева и плоти, доносящийся со стороны храма.

Рыжий лис удивился:

— Три дня не виделись, и монахи из Храма Драгоценной Длани совсем изменились, даже научились жарить мясо! Надеюсь, Чжаокун оставил мне немного. Надеюсь, он не заждался.

Сердце Шань Чжиюаня забилось от радости, и он побежал ещё быстрее. Пробившись через густые кусты, он увидел почерневшие и обрушившиеся стены Храма Драгоценной Длани.

Лисенок чуть не врезался в дерево от ужаса, замедлил шаг и, выбежав из леса, начал беспокойно кружить на расстоянии нескольких шагов от храма.

Большая часть стен храма обрушилась, ворота сгорели дотла и всё ещё тлели. Несколько тел лежали внутри и снаружи ворот, все раны были смертельными, глубокими и широкими, кровь уже вытекла и запеклась, и от них не исходило ни звука.

<http://bllate.org/book/15426/1365007>